

Детская мудрость. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://tolstoyleo.ru/> Приятного чтения!

Детская мудрость. Лев Николаевич Толстой

1. О религии.
2. О войнах.
3. Об отечестве, государстве.
4. О податях.
5. Об осуждении.
6. О доброте.
7. О вознаграждении за труд.
8. О пьянстве.
9. О смертных казнях.
10. О тюрьмах.
11. Богатство.
12. Любите обижающих вас.
13. О печати.
14. Раскаяние.
15. Об искусстве.
16. О науке.
17. Суд.
18. Суд уголовного.
19. Собственность.
20. Дети.
21. Воспитание.

О РЕЛИГИИ

Мальчик. Отчего это няня нынче нарядилась и на меня надела вот новую рубашечку?

Мать. А оттого, что нынче праздник, и мы пойдем в церковь.

Мальчик. Какой праздник?

Мать. Вознесенье.

Мальчик. Что значит вознесенье?

Мать. Значит то, что господь Иисус Христос вознесся на небо.

Мальчик. Что значит вознесся?

Мать. Значит полетел.

Мальчик. Как же он полетел: на крыльях?

Мать. Не на крыльях, а просто полетел, потому что он бог, и бог всё может.

Детская мудрость. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru

Мальчик. Ну, а куда же он полетел? Мне папа говорил, что небо только кажется, а что там нет ничего, что там звезды, и за звездами еще звезды, и небу нет конца. Куда же он полетел?

Мать (улыбается). Всего нельзя понять, надо верить.

Мальчик. Чему?

Мать. Тому, что говорят старшие.

Мальчик. А ты сама мне говорила, что когда я сказал, что кто-нибудь помрет оттого, что просыпали соль, ты мне сказала, что не надо верить глупостям.

Мать. Глупостям и не надо верить.

Мальчик. А почему же я узнаю, что глупости, а что не глупости?

Мать. Потому что надо верить настоящей вере, а не глупостям.

Мальчик. А какая же настоящая вера?

Мать. Наша вера. (Про себя.) Кажется, я говорю глупости. (Вслух.) Так поди скажи папе, что мы идем, и надень шарф.

Мальчик. А после обедни будет шоколад?

О ВОЙНАХ

Карлхен Шмит – 9 лет, Петя Орлов – 10 лет и Маша Орлова – 8 лет.

Карлхен. Потому, что наша Пруссия не позволит, чтоб русские у нас отнимали землю.

Петя. А мы говорим, что эта земля наша, потому что мы ее завоевали прежде.

Маша. Чья наша?

Петя. Ну, ты мала, не понимаешь. Наша – значит нашего государства.

Карлхен. Все люди так живут, что одни принадлежат одному государству, другие другому.

Маша. Кому я принадлежу?[1]

Петя. Так же, как и все, – России.

Маша. А коли я не хочу?

Петя. Да это уж ты хочешь, не хочешь, ты все-таки русская. У каждого народа свои царь, король.

Карлхен (вставляя). Парламент...

Петя. У каждого свое войско, каждый собирает от своих подати.

Маша. Зачем же так врозь?

Петя. Как зачем? Затем, что каждое государство особо.

Маша. Да зачем врозь?

Карлхен. Как зачем? Затем, что каждый человек любит свое отечество.

Маша. Не понимаю, зачем врозь. Разве не лучше всем вместе?

Петя. Это играть в игрушки лучше вместе, а это не игрушки, а важные дела.

Маша. Не понимаю.

Детская мудрость. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
Карлхен. Вырастешь – поймешь.

Маша. Так не хочу и вырастать.

Петя. Маленькая, а уж упрямая, как все они.

ОБ ОТЕЧЕСТВЕ, ГОСУДАРСТВЕ

Гаврила – запасный солдат, прислуга. Миша – барчук.

Гаврила. Ну, Мишенька, прощайте, милый барин. Теперь уж приведет ли бог повидаться.

Миша. Так ты и точно уходишь?

Гаврила. Да как же? Война опять. А я запасный.

Миша. С кем же война? Кто с кем воюет?

Гаврила. Да бог их знает. И не разберешь. Я хоть и читал в газетах, да не пойму досконально. Сказывают, австрияк на нашего обиделся за то, что он тех, как бишь их, в чем-то уважил...

Миша. Ты-то зачем идешь? Ну, цари поссорились, пускай они и дерутся.

Гаврила. А то как же? За царя, отечество, веру православную.

Миша. Да ведь тебе не хочется идти?

Гаврила. Кому же хочется. Жену, детей побросать. Да и самому разве охота после жисти хорошей.

Миша. Так зачем же ты идешь? Ты скажи, что «не хочу», и не иди. Что же они тебе сделают?

Гаврила (смеется). Что сделают? Силой потащут.

Миша. А кто же тебя потащит?

Гаврила. Да такие же вот, как я, подневольные люди.

Миша. Зачем же они тебя потащат? Ведь они такие же, как ты.

Гаврила. А то начальство. Велят и потащут.

Миша. А если они не захотят?

Гаврила. Нельзя.

Миша. Отчего нельзя?

Гаврила. Оттого... оттого, что такого закона нет.

Миша. Какой закон?

Гаврила. И чудно вы говорите! С вами заболтаешься. Пойти на последках самовар поставить.

О ПОДАТЯХ

Старшина и Грушка.

(Старшина входит в бедную избу. Никого нет, кроме 7-летней Грушки. Оглядывается.)

Старшина. Али нет никого?

Грушка. Мамка ушла за коровой, а Федька на барском дворе.

Старшина. Ну, так скажи мамке, что старшина, мол, заходил. Скажи, в третий раз

Детская мудрость. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
поминаю, велел, скажи, беспременно принести к воскресенью подати, а то корову сведу.

Грушка. Как корову сведешь? Ты разве вор? А мы не дадим.

Старшина (улыбается). Вишь, шустрая девчонка какая. Как звать?

Грушка. Грушка.

Старшина. Ай, Грушка, молодец. Так ты слухай, так и скажи матери, что я хоть и не вор, а корову сведу.

Грушка. Зачем же ты корову сведешь, коли ты не вор?

Старшина. А затем, что положено, то плати. За подати сведу.

Грушка. Какие такие подати?

Старшина. Эка девчонка, зелье. Что подати? А такие, что от царя положено, чтобы платил народ.

Грушка. Кому?

Старшина. Известно кому. Царю. А уж там рассудят кому.

Грушка. Разве он бедный? Мы бедные. Царь богатый. Зачем же у нас брать?

Старшина. Он не себе. Он на нас же, дураков, на наши нужды, на начальство, на войску, на ученье. Нам же на пользу.

Грушка. Какая же нам польза, что корову сведешь? Это не польза.

Старшина. Вырастешь, поймешь. Так смотри, скажи мамке.

Грушка. Не стану говорить глупости. Что вам с царем нужно, делайте сами, а что нам нужно, мы сами себе сделаем.

Старшина. И яд же девка будет, дай вырастет.

ОСУЖДЕНИЕ

Митя – 10 лет, Илюша – 9 лет, Соня – 6 лет.

Митя. Я говорю Петру Семенычу, что можно себя так приучить, чтоб не нужно было одеваться. А он говорит: нельзя. А я ему говорю, что мне Михаил Иванович говорил, что мы приучили же лицо так, что не холодно. Так можно и всё тело приучить. Дурак, говорит, твой Михаил Иванович. (Смеется.) А Михаил Иванович[2] мне только вчера говорил: много, говорит, врет ваш П[етр] С[еменыч]. Ну, говорит, дуракам закон не писан. (Смеется.)

Илюша. Я бы ему так и сказал: вы его, а он вас.

Митя. Нет, сурьезно, я так и не знаю, кто из них дурак.

Соня. Оба дураки. Кто кого дураком ругает, тот и дурак.

Илюша. А ты обоих обругала. Стало быть, ты самая дура и есть.

Митя. Нет, мне то не нравится, что друг про дружку так говорят, а в лицо не скажут. Я вырасту большой, так не буду делать. Что думаю, то и буду говорить.

Илюша. И я тоже.

Соня. А я по-своему буду.

Митя. Как по-своему?

Соня. Да так. Когда захочу – скажу, а не захочу – не скажу.

Детская мудрость. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
Илюша. Вот и вышла дура.

Соня. А ты сказал, не будешь ругать.

Илюша. Да я не за глаза.[3]

О ДОБРОТЕ

Дети: Маша и Миша, перед домом строят для кукол шалаш.

Миша (с сердцем на Машу). Да не то. Ту палку тащи. Непонятная!

Старуха (выходит на крыльцо, крестится и приговаривает). Спаси ее Христос! Вот душа ангельская. Всех жалеет.

(Дети перестают играть, смотрят на старуху.)

Миша. Ты о ком?

Старуха. Об матушке об вашей. Помнит бога. Нас, бедных, жалеет. Вот и юбку дала, и чайку, и деньжонок. Спаси ее господи, царица небесная. Не так, как тот нехристь. «Много вас, говорит, шляется». И собаки такие же злые. Насилу ушла.

Маша. Это кто же?

Старуха. Да напротив винополки. Ох, недобрый барин. Ну да бог с ним. Спасибо ей, голубушке, наградила, утешила горемычную. И как бы жить нам, кабы таких людей не было. (Плачет.)

Маша (к Мише). Какая она добрая.

Старуха. Вырастете, детки, также не оставляйте бедноту. И вас бог не оставит. (Старуха уходит.)

Миша. Какая она жалкая.

Маша. А я рада, что мама ей дала.

Миша. А я не знаю, отчего не давать, когда есть. Нам не нужно, а ей нужно.

Маша. Ты помнишь, как Иоанн Креститель говорил: у кого две одежды, отдай одну.

Миша. Да, когда вырасту, я всё буду отдавать.

Маша. Всё нельзя.

Миша. Отчего нельзя?

Маша. А сам как же?

Миша. А мне всё равно. Надо быть всегда добрым. И всем хорошо будет.

И Миша бросил играть и пошел в детскую, оторвал от тетради листок и написал что-то в него и положил в карман.

В листке было написано:

«НАДА БУТЬ ДОБРУМ».

О ВОЗНАГРАЖДЕНИИ

Отец и Катя – 9 лет и Федя – 8 лет.

Катя. Папа, [у] нас салазки сломались. Ты не можешь починить?

Отец. Не могу, голубчик. Не умею. Надо Прохору отдать, он вам починит.

Катя. Да мы были на дворне. Он говорит, ему некогда. Он ворота делает.

Отец. Ну, что же делать, подождите.

Федя. А ты, папа, совсем не умеешь?

Отец (улыбаясь). Совсем не умею, дружок.

Федя. Ты и ничего не умеешь?

Отец (смеется). Нет, кое-что умею. А того, что Прохор умеет, того не умею.

Федя. А самовары делать, как Василий, умеешь?

Отец. Тоже не умею.

Федя. А лошадей закладывать?

Отец. Тоже не умею.

Федя. А я думаю, отчего мы ничего не умеем делать, а они всё для нас делают. Разве это хорошо?

Отец. Каждому свое. Ты вот учись и узнаешь, что кому нужно уметь делать.

Федя. Разве нам не нужно и уметь кушанье готовить и лошадей закладывать?

Отец. Есть вещи нужнее этого.

Федя. Да, я знаю: чтобы быть добрым, чтобы не сердиться, не браниться. Да ведь можно и кушанье готовить, и лошадей закладывать, и быть добрым? Правда, ведь можно?

Отец. Разумеется, можно. Погоди, вырастешь, тогда поймешь.

Федя. А коли я не вырасту?

Отец. Какие ты глупости говоришь.

Катя. Так можно Прохору сказать?

Отец. Можно, можно. Подите к Прохору, скажите, что я велел.

О ПЬЯНСТВЕ
Вечер. Осень.

Макарка 12 лет и Марфутка 8 лет выходят из дома на улицу. Марфутка плачет. Павлушка 10 лет стоит на крыльце в соседнем доме.

Павлушка. Куда вас нелегкая несет, ночное дело?

Макарка. Опять закурил.

Павлушка. Дядя Прохор?

Макарка. А то кто ж?

Марфутка. Мамку бьеть...

Макарка. И не пойду. Он и меня исколотит. (Садится у порога.) Тут и ночевать буду. Не пойду.

(Марфутка плачет.)

Павлушка (на Марфутку)[4]. Ну, буде. ничего. что же делать? Буде.

Марфутка (сквозь слезы). Кабы я царь была, я бы тех исколотила, кто ему водку дает. Никому бы не велела эту водку держать.

Павлушка.[5] Как не так? царь сам водкой торгует. Он только другим не велит,

Детская мудрость. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
чтобы ему убытка не было.

Макарка. [6] Вре.

Павлушка. [7] Вот те и «вре». Поди спроси. За что Акулину в тюрьму посадили? А за то, что не торгуй вином, нам убытка не делай.

Макарка. Разве за это? Сказывали, она что-то против закону.

Павлушка. То и против закону, что вином торговала.

Марфутка. Я бы и ей не велела. Всё это вино. То ничего, а то бьет не судом всех.

Макарка (к Павлушке). Чудно ты говоришь. Спрошу завтра у учителя. Ему нельзя не знать.

Павлушка. Ну и спроси.

На другое утро Прохор, отец Макарки, выпавшись, ушел опохмеляться. Мать Макарки с распухшим, подбитым глазом месила хлебы. Макарка пошел в школу. Ребята еще не собрались. Учитель сидел на крылечке и курил, пропуская ребят в школу.

Макарка (подходя к учителю). А скажите, Евгений Семеныч, правду это мне вчера один человек сказывал, что царь вином торгует, и Акулину в тюрьму посадил за это самое.

Учитель. И ты глупо спрашиваешь, и дурак тот, кто говорил тебе: царь ничем не торгует. На то он царь. А что Акулину подвергли тюремному заключению, так это за то, что она беспатентно торговала вином, следовательно, казне убыток делала.

Макарка. Почему убыток?

Учитель. Потому что на вино наложен акциз. Ведро на заводе стоит..., [8] а в продаже.... [9] Вот этот лишек и составляет доход государству. И доход этот самый большой.... [10] миллионов.

Макарка. Стало быть, что больше пьют вино, то больше дохода.

Учитель. Известно. Не будь этого дохода, не на что бы было содержать ни войско, ни училища, ни всё то, что для вас всех нужно.

Макарка. Да если это всем нужно, так отчего же прямо бы [не] брать это на нужные дела, а зачем через вино?

Учитель. Как зачем через вино? Затем, что, значит, так положено. Ну, ребята, собрались, рассаживайтесь.

О СМЕРТНОЙ КАЗНИ

М[арья] И[вановна] – жена профессора (шьет).

Федя, ее сын, 9 лет (слушает разговор отца).

Ив[ан] В[асильевич] – военный прокурор.

Петр Петр[ович] – профессор.

И[ван] В[асильевич]. Но нельзя же отрицать опыта истории. Мы не только видели это во Франции после революции и в других исторических моментах, но мы видим это теперь у нас, что пресечение, то есть изъятие извращенных и опасных для общества членов, достигает цели.

Петр Петр[ович]. Нет, мы не можем знать этого, знать дальнейших последствий, и это не оправдывает исключительных положений.

И[ван] В[асильевич]. Но мы тоже не имеем права предполагать, что последствия исключительных мер будут дурные и что если бы они и были дурные, чтобы причина

Детская мудрость. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru их заключалась именно в применении исключительных мер. Это одно, другое же то, что устрашение не может не действовать на людей, потерявших всякое человеческое свойство и превратившихся в зверей. Чем же другим, кроме устрашения, можете вы подействовать на людей, как тот, который спокойно зарезал старуху и трех детей только для того, чтобы украсть 300 рублей?

Петр Петр[ович]. Но ведь я не отрицаю вообще применение смертной казни, я отрицаю исключительно военные суды, так часто применяющиеся. Если бы эти частые смертные казни производили только устрашение, но вместе с устрашением они производят и развращение: приучают людей к равнодушию, к убийству себе подобных.

Ив[ан] В[асильевич]. Опять мы не знаем дальнейших последствий, а зная благотворность...

Петр Петр[ович]. Благотворность?!

Ив[ан] В[асильевич]. Да, благотворность ближайших, не имеем права отрицать ее. Как же может общество не воздавать по делам его такому злодею, как...

Петр Петр[ович]. То есть что общество должно мстить?

Ив[ан] В[асильевич]. Не мстить, а, напротив, заменять личную месть общественным возмездием.

Петр Петр[ович]. Да, но тогда оно должно происходить в раз навсегда определенных законом формах, а не в исключительных положениях.

Ив[ан] В[асильевич]. Возмездие общественное заменяет ту месть случайную, преувеличенную, незаконную, часто необоснованную, ошибочную, которую могло бы употреблять частное лицо.

Петр Петр[ович] (горячась). Что же, по вашему мнению, это возмездие применяется теперь всегда не случайно, всегда обоснованно, всегда безошибочно? Нет, никогда не соглашусь. Никакие ваши доводы не могут убедить ни меня, ни кого бы то ни было, что эти исключительные положения, при которых казнены тысячи, и казни всё продолжают, – чтобы это было и разумно, и законно, и благотворно. (Встает и ходит в волнении.)

Федя (к матери). Мама, о чем папа спорит?

М[арья] И[вановна]. О том, что папа думает, что нехорошо, что так много смертных казней.

Федя. Как, что до смерти убивают?

М[арья] И[вановна]. Да. Он думает, что не надо этого делать так часто.

Федя (подходит к отцу). Папа, отчего же в десяти заповедях сказано: не убивать? Стало быть, совсем не надо?

Петр Петр[ович] (улыбаясь). Это сказано не про то, про что мы говорим, а про то, чтобы одни люди не убивали других.

Федя. Да ведь если казнят, то убивают все-таки люди?

Петр Петр[ович]. Разумеется, но надо понимать, почему и когда можно.

Федя. Когда же можно?

Петр Петр[ович]. Ну, как тебе сказать? Ну война, ну злодей всех убивает. Как же его так и оставить и не наказывать?

Федя. А как же в евангелии сказано, чтобы всех любить, всех прощать.

Петр Петр[ович]. Хорошо бы было, если бы можно было так. Да нельзя.

Федя. Отчего нельзя?

Детская мудрость. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
Петр Петр[ович]. А от того. (Обращается к Ив[ану] В[асильевичу], который улыбается, слушая Федю.) Так вот я, почтенный Ив[ан] В[асильевич], и не могу признать пользы исключительных положений и военных судов.

О ТЮРЬМАХ

Семка 13 лет. Аксютка 10 лет, Митька 10 лет, Палашка 9 лет, Ванька 8 лет. (Набравши грибов, сидят у колодца.)

Аксютка. И уж как убивалась тетка Матрена. А ребята – один заголосит, все зальются, зальются.

Ванька. Чего же они ревут?

Палашка. Чего ревут? Отца в острог везут. Кому ж реветь.

Ванька. За что в острог?

Аксютка. А кто их знает. Пришли, собирайся, говорят, взяли, повели. Нам всё видать...

Семка. За то и везут, что лошадей не уводи. У Демкина свел, у Краснова тоже их работа. Не миновал их рук и наш мерин. Что ж его по головке гладить?

Аксютка. Да что и говорить, только ребят жалко. Четверо ведь их. А беднота – хлеба нет. Нынче к нам приходили.

Семка. А не воруй.

Митька. Да ведь он воровал, а не ребята. Им-то что же, по миру идти?

Семка. А не воруй:

Митька. Да ведь не ребята, а он.

Семка. Эка заладил: «ребята, ребята». Зачем же он худо делает? Что ж, оттого, что много ребят, так ему и воровать?

Ванька. А что ж с ним там в остроге делать будут?

Аксютка. Будет сидеть, да и всё.

Ванька. А кормить будут?

Семка. То-то они не боятся, конокрады проклятые. Что ему острог. На всем готовом, сиди, посиживай. Кабы я царь был, я бы знал, как с этими конокрадами обойтись. Я бы их отучил. А то ему что. Сидит, посиживает с такими же молодцами. Друг друга научают, как лучше воровать. Дед сказывал, что Петруха совсем хороший был малый, а как раз побывал в остроге, такой отпетый оттелева вышел, что беда. С тех пор и начал...

Ванька. Так зачем их сажают?

Семка. А вот ты спроси.

Аксютка. Его посадят на готовый на хлеб...

Семка (вставляет). Чтоб он получше обучился.

Аксютка. А ребята с мамкой помирай с голоду. Соседи ведь, жалко. Что с ними станешь делать? Придут хлеба просить, нельзя не дать.

Ванька. Так зачем же их сажают?

Семка. А что ж с ними делать?

Ванька. Что? Что делать? Как-нибудь так, чтоб...

Семка. Вот то-то как-нибудь, а как – и сам не знаешь. Поумней[11] тебя думали,
Страница 9

Детская мудрость. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
да не придумали.

Палашка. А я думаю, что если [бы] я была царица...

Аксютка (смеется). Ну, что ж ты, царица, бы сделала?

Палашка. А то бы сделала, чтоб никто не воровал и чтоб ребята не плакали.

Аксютка. Да как же ты сделаешь?

Палашка. А так и сделала бы, чтобы всем давать всё, что нужно, чтоб никого не обижать, и чтобы всем хорошо было.

Семка. Ай царица. Да как же ты это сделаешь?

Палашка. Да так и сделаю.

Митька. Ну, а что же частый березник пройдем? Там анадьсь много девки набрали.

Семка. И то. В ход, ребята. Ты, царица, смотри, не рассыпь свои грибы, то уж очень шустра.

(Встают и уходят.)

БОГАТСТВО

Сидят на балконе за чаем хозяин, хозяйка, дочь и 6-летний Вася. Дети взрослые играют в теннис. Подходит молодой нищий.

Хозяин (к нищему). Ты что?

Нищий (кланяется). Известно что. Пожалейте безработного. Раздевши, не емши идем. В Москве были, теперь до дома пробираюсь. Помогите бедному человеку.

Хозяин. А отчего ты бедный?

Нищий. Известно отчего, от нужды.

Хозяин. Работал бы, не был бы беден.

Нищий. И рад бы работать, да работы нынче нет. Всё позакрывали.

Хозяин. Отчего же другие работают, а у тебя нет работы?

Нищий. Верьте совести, всей душой рад бы работать. Не берут. Пожалейте, барин. Второй день не емши иду.

Хозяин (смотря в комнату, к жене). Avez-vous de la petite monnaie? Je n'ai que des assignats[12].

Хозяйка (к Васе). Поди, умник, у меня в мешке на столике, подле кровати, кошелек – возьми и принеси.

(Вася не слышит матери, смотрит, не спуская глаз с нищего.)

Хозяйка. Вася! не слышишь? (Дергает его за рукав.) Вася.

Вася. Что ты, мама?

(Хозяйка повторяет, куда идти, что взять.)

Вася (вскакивает). Сейчас. (Всё оглядывается на нищего, уходит.)

Хозяин. Подожди, сейчас. (Нищий отходит к стороне.) (К жене по-французски.) Это ужасно, сколько их ходит без работы. Всё лень. Но все-таки ужасно, если он голоден.

Хозяйка. Преув[ел]ичен[ие]. Говорят, то же и за границей. Я читала, в Нью-Йорке что-то около 100 000 безработных. Хочешь еще чаю?

Хозяин. Налей послабее. (Закуривает. Молчание.)

(Нищий смотрит на них, покачивает головой и кашляет, очевидно обращая на себя внимание.)

(Вася прибегает с кошельком и тотчас ищет глазами нищего и, подавая кошелек матери, уставляется на него.)

Хозяин (достаёт гривенник из кошелька). Так вот, ты, как тебя, получи.

Нищий (снимает шапку, кланяется, берет монету). Благодарю, спасибо и на этом. Благодарю за то, что пожалели бедного человека.

Хозяин. Жалею, главное, о том, что не работаете. Работали бы, так не были бы бедны. Кто работает, тот не будет беден.

Нищий (получив деньги, надевает шапку и, повернувшись, говорит). Это точно, что от работы будешь не богат, а горбат. (Уходит.)

Вася. Что это он сказал?

Хозяин. А сказал ихнюю глупую мужицкую пословицу, что от работы не будешь богат, а будешь горбат.

Вася. Что это значит?

Хозяин. А то, что будто бы от работы только сгорбишься, а не разбогатеешь.

Вася. Это неправда?

Отец. Разумеется, неправда. Те, кто так, как эти, шляются и не хотят работать, те всегда бедны. Богаты бывают только те, кто работает.

Вася. Отчего же мы не работаем, а богаты?

Мать (смеется). Почему же ты знаешь, что папа не работает?

Вася. Я не знаю, но ведь мы очень богаты, стало быть, папе надо ух как много работать. А разве он так много работает?

Отец. Работа работе рознь. Может, моя работа такая, что ее не всякий может работать.

Вася. [13] Какая же твоя работа?

Отец. Моя работа та, чтоб вас всех кормить, одевать, учить.

Вася. Да ведь и у него то же. За что же ему надо ходить таким жалким, а мы вот такие...

Отец (смеется). Вот так самородный социалист.

Мать. Да, говорится: Ein Narr kann mehr fragen, als tausend Weise antworten (Всякий дурак задает такие вопросы, что и сто мудрых не ответят). Надо бы сказать: Ein Kind (не дурак, а всякий ребенок).

ЛЮБИТЕ ОБИЖАЮЩИХ ВАС
Маша 10-ти лет и Ваня 8-ми.

Маша. А я сейчас думаю: вот если бы мама вернулась сейчас и взяла бы нас с собой и мы все бы поехали сначала в пассаж, а потом к Насте. А тебе чего бы хотелось?

Ваня. Мне? Мне бы хотелось, чтобы было, как вчера.

Маша. Да что ж такого вчера было? То, что тебя Гриша побил, и потом вы с ним расплакались? Тут хорошего мало.

Детская мудрость. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru

Ваня. А вот это самое и хорошо было. Так хорошо было, что лучше ничего не бывает. Вот этого бы мне и хотелось.

Маша. Не понимаю.

Ваня. А это вот что. Я тебе растолкую, чего мне хочется. Помнишь, как в прошлое воскресенье дяденька П. И... как я его люблю...

Маша. Кто ж его не любит. Мама говорит, что он святой. Это и правда.

Ваня. Так помнишь – прошлое воскресенье он рассказывал историю, как одного человека все обижали, и кто больше обижал, тех он больше любил. Они его ругают, а он их хвалит. Они его бьют, а он им помогает. Дяденька говорит, что если так делать, так очень хорошо тому, кто так делает. Мне это понравилось, я и захотел так делать. И вот, когда Гриша побил меня вчера, я вспомнил это, стал его целовать, а он заплакал. И так мне стало весело. А с няней вчера я ошибся: она меня стала бранить, а я забыл, как надо, и сам нагрубил ей. И вот мне теперь хочется еще раз попробовать, как с Гришей было.

Маша. Так тебе хотелось, чтобы тебя побил кто-нибудь?

Ваня. Даже очень бы хотелось. Я бы сейчас сделал то же, что с Гришей, и сейчас же мне бы стало весело.

Маша. Вот глупости-то. Как был глуп, так и остался.

Ваня. Ну что ж, глуп так глуп, а только я знаю теперь, как надо делать, чтобы всегда [было] хорошо.

Маша. Ужасный дурак! И точно хорошо от этого бывает?

Ваня. Очень.

ПЕЧАТЬ
Классная.

Володя, гимназист 14 лет, читает, готовит уроки. Соня, 15, пишет.

Дворник (входит с тяжелой ношей за спиной, за ним Миша 8 лет). – Куда, барин, самую эту историю сложить? Все плечи оттянуло.

Володя. Да куда тебе велели?

Дворник. Вас[илий] Тим[офеевич] сказал: неси пока в классную, пока сам придет.

Володя. Ну так сюда в угол. (Опять читает.)

(Дворник сваливает, вздыхает.)

Соня. Это что?

Володя. «Правда», газета.

Миша. Как правда?

Соня. Как, так много?

Володя. За весь год. (Продолжает читать.)

Миша. Всё это писано?

Дворник. Ну и сказать, что не гуляли те, что писали.

Володя (смеется). Как ты сказал?

Дворник. Да как сказал. Писали, не гуляли, говорю. Так я пойду, вы скажите, что я принес. (Уходит.)

Соня (к Володе). Зачем же это папе всю газету?

Володя. Он хочет выбрать статьи Большакова.

Соня. А дядя Мих[аил] Ив[анович] говорит, что ему от Большакова тошно делается.

Володя. Ну, то дяденька Мих[аил] Ив[анович]. Он только одну «Истину для всех» читает.

Миша. А эта дяденькина «Истина» такая же большая, как эта?

Соня. Еще больше. Да ведь это за один год, а они лет по 20 выходят.

Миша. Таких 20, да еще 20.

Соня (хочет удивить Мишу). Это что. Это две газеты, а их выходит 30 или больше.

Володя (не поднимая головы). 30? 530 в России, а если взять все, что за границей, то тысячи.

Миша. В эту комнату не уложатся?

Володя. В эту комнату?! В нашу улицу не уложатся. Ну да не мешайте мне, пожалуйста. Завтра наверное спросят, а вы с своими глупостями. (Опять читает.)

Миша. А я думаю, что это не надо так много писать.

Соня. Отчего не надо?

Миша. А оттого не надо, что если правда, так что ж всё одно и то же говорить, а если неправда, так не надо врать.

Соня. Вот так решил!

Миша. Зачем же они так ужасно много пишут?

Володя (от книги). А без свободы печати почем узнаем, где правда.

Миша. Папа вот говорит, что в «Правде» правда, а дядя Мих[аил] Ив[анович] – что ему от «Правды» тошно делается. Как же они узнают, где правда: в «Правде» или в «Истине».

Соня. Это точно. Я думаю, что слишком много газет, журналов, книг.

Володя. Вот и видна женщина. Всегда легкомыслие.

Соня. Нет, я говорю, что оттого, что слишком много, нельзя узнать.

Володя. На это каждому ум дан, чтобы рассудить, где правда.

Миша. А если у каждого ум есть, то и может каждый сам рассудить.

Володя. Вот ты от большого ума и рассудил, но, пожалуйста, иди куда-нибудь, мне не мешай.

РАСКАЯНИЕ

Воля, 8 лет, стоит в коридоре с пустой тарелкой и плачет. Федя, 10 лет, вбегает в коридор и останавливается.

Федя. Мама велела узнать, где ты. Да ты что ж плачешь? Няне снес? (Видит пустую тарелку – свистит.) Где ж пирожное?

Воля. Я...я...я хотел, я... и вдруг... у, у, у, нечаянно съел.

Федя. Не донес до няни, съел? Вот так ловко. А мама думала, что ты рад снести няне.

Воля. Да я и рад... да вдруг... нечаянно... у, у, у.

Федя. Попробовал, да и съел. ловко. (Смеется.)

Воля. Да, тебе... хорошо... смеяться, а как я скажу... и к няне нельзя и к маме нельзя...

Федя. Ну, брат, наделал дела... ха, ха, ха. Так всё и съел? Да что ж плакать? Надо придумать...

Воля. Что ж я могу придумать? Что мне теперь делать?

Федя. Ну дела! (Старается не смеяться. Молчание.)

Воля. Что мне теперь делать? Пропал я. (Ревет.)

Федя. Об чем же так огорчаться. Будет реветь-то. Просто поди скажи маме, что съел.

Воля. Это еще хуже.

Федя. Ну так няне признайся.

Воля. Как я ей скажу.

Федя. Так слушай же: постой здесь, я сбегая к няне, расскажу, она ничего.

Воля. Нет, не говори. Как я ей скажу.

Федя. Вот пустяки! Ну, ошибся, что ж делать! Я сейчас ей скажу. (Убегает.)

Воля. Федя, Федька. Постой. Убежал. Только попробовал, а потом и не помню как, и вот наделал, что мне теперь делать? (Ревет.)

(Прибегает Федя.)

Федя. Да будет реветь. Я как и говорил тебе, что няня простит. Она только и сказала: ах, мой голубчик!

Воля. Что ж, и не сердится?

Федя. И не думает. Бог с ним, с пирожным, я бы ему и так отдала.

Воля. Да ведь я нечаянно. (Опять плачет.)

Федя. Ну об чем же теперь? Маме не скажем, а няня простила.

Воля. Няня простила. Я знаю, что она хорошая, добрая. А я?... Я гадкий, гадкий. Об этом и плачу.

ОБ ИСКУССТВЕ
Лакей, экономка. [14]

Лакей (с подносом). Миндального молока к чаю и рому.

Экономка (вяжет чулок и считает петли). 22, 23...

Лакей. Слышите, что ли, Авдотья Васильевна? А, Авдотья Васильевна!

Экономка. Слышу, слышу, сейчас. Не разорваться мне. (К Наташе.) Сейчас, милочка, и вам черносливцу принесу. Вот дай срок – молоко отпущу. (Цедит молоко.)

Лакей (присаживается). Ну уж насмотрелся я. И за что только деньги платят.

Экономка. Это что же, в киятре были? Что-то долго нынче?

Лакей. Опера всегда долго. Сидишь, сидишь. Спасибо, пустили посмотреть. Чудно.

(Буфетный мужик Павел входит со сливками и останавливается слушать.)

Экономка. Пение, значит?

Лакей. Какое пение! Так, дуром горланят. И не похоже вовсе. Я, говорит, ее очень как люблю. И всё это на голос выводит, и не похоже совсем. А то повздорили, надо им драться, а они опять поют.

Экономка. А ведь, сказывают, дорого стоит абонент.

Лакей. За нашу ложу 300 рублей за 12 приставлений.

Павел (качает головой). 300 рублей! Кому же эти деньги-то идут?

Лакей. Известно кому: кто поет, тому и платят. Сказывают, певица в год 50 тысяч выручает.

Павел. Тут уж не до тысяч речь, а на 300 рублей в деревенском быту <чего бы наделал>, ох много денег. Другой всю жизнь бьется, не 300, а и сотни не добьется.

(Гимназистка шестого класса приходит в буфет.)

Нина. Наташа тут? Что же ты пропала, мама спрашивает.

Наташа (жует чернослив). Я сейчас.

Нина (к буфетному мужику). Что это ты говоришь: 100 рублей?

Экономка. Да рассказывал Сем[ен] так (указывает на лакея), как он нынче в театре пение слушал, и что как много певицам платят, так вот Павел дивится. Неужели и правда, Нина Михайловна, что певица-то 50 тысяч выручает?

Нина. Еще больше. Одну певицу пригласили в Америку, 150 тысяч дали. Да не это одно. Вчера в газетах было, что музыкант один за нготь 25 000 получил.

Павел. Мало ли что пишут. Разве это можно?

Нина (с видимым удовольствием). Верно я тебе говорю.

Павел. За что же, за нготь 25 тысяч?

Наташа. За что же?

Нина. А за то, что он музыкант на фортепьяно и застрахован. Так что если что-нибудь с рукой случится и нельзя играть, так ему выплачивают.

Павел. Ну, дела.

Сеничка (гимназист 6 класса, входит). Вот у вас какое заседание здесь. О чем это?

(Нина рассказывает.)

Сеничка (еще с большим удовольствием). Мало того, что за нготь. В Париже танцовщица застраховала ногу за 200 000. Значит, если свихнет и не может работать.

Лакей. Это те, что, с позволения сказать, без порток ногами работают?

Павел. Ну уж и работа, как не платить деньги!

Сеничка. Да ведь не всякий может, да и сколько лет училась.

Павел. Чему училась-то? Добру или как ногами вертеть?

Сеничка. Ну, ты не понимаешь. Искусство – великое дело.

Павел. А я думаю, пустяки одни, с жиру дурашные деньги платят. Кабы деньги так,
Страница 15

Детская мудрость. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
как нам, доставались горбом, этих бы ни плясунов, ни песенниц не было бы. А то им и вся цена-то грош. Ну, да что.

Сеничка. Что значит необраз[ование]. Для него и Бетховен, и Виардо, и Рафаэль – всё вздор.

Наташа. А я думаю, он правду говорит.

Нина. Пойдем, пойдем.

НАУКА

Два гимназиста: реалист и классик, и два близнеца, братья классика: Володя и Петруша, 8 лет.

Реалист. Зачем же мне и латинский и греческий, когда всё, что есть важного, хорошего, всё уже переведено на новые языки.

Классик. Никогда не поймешь Илиаду, если не будешь читать ее по-гречески.

Реалист. Да мне и вовсе читать ее не нужно. Да и не хочу.

Володя. А что такое Илиада?

Реалист. Сказка.

Классик. Да, но такая, какой другой нет в мире.

Петруша. Чем же она так хороша?

Реалист. Да ничем, сказка как сказка.

Классик. Да, только настоящего понимания древности никогда не достигнешь, если не будешь знать этих сказок.

Реалист. А по-моему, это такое же суеверие, как то, что называется законом Божиим.

Классик (горячась). Закон Божий ложь и вранье, а это история и мудрость.

Володя. Разве закон Божий вздор?

Классик. И что вы тут сидите. Ведь вы ничего не понимаете.

Оба (обиженно). Отчего же не понимаем?

Володя. Может быть, лучше вашего понимаем.

Классик. Ну, хорошо, хорошо, только не мешайтесь в разговоры, сидите смирно. (К реалисту.) Ты говоришь, что нет приложения к жизни древних языков, да ведь то же самое можно сказать и про бактериологию, и про химию, и про физику, и про астрономию. На что тебе знать о расстоянии звезд и их объеме и все эти никому ни на что не нужные подробности.

Реалист. Почему ненужные, очень нужные.

Классик. На что же?

Реалист. Как на что. На всё. А мореплавание?

Классик. Это и без астрономии.

Реалист. Но зато практическое приложение к земледелию, к медицине, к промышленности...

Классик. Да что же, эти самые данные прилагаются и к бомбам, и на войнах и [у] революционеров. Если бы эти знания делали бы то, чтобы люди лучше жили...

Реалист. А разве от вашей науки люди лучше делаются?

Володя. А какие науки, от каких люди лучше делаются?

Классик. Я говорил тебе, не мешайся в разговор с большими. Всё и говоришь глупости.

Володя и Петруша (в один голос). Ну, глупости, не глупости, а только какие науки, чтобы жить хорошо?

Реалист. Таких нет. Это сам всякий для себя делает.

Классик. Ну что ты с ними разговариваешь, ничего они не понимают.

Реалист. Нет, отчего же. Этому, Володя, Петруша, в гимназиях не учат.

Володя. А этому не учат, так и не надо учиться.

Петруша. Мы вырастем большие, не станем учиться тому, что не нужно.

Володя. А будем сами жить лучше.

Классик (смеется). Вот так мудрецы, рассудили.

СУД

Крестьянин, его жена и кума, Федор – сын, 19 лет, Петька – другой [сын], 9 [лет].

Отец (входит в избу, раздевается). Ну и погодка, насилу добрался.

Мать. Рази ближний свет. Верст, я чай, 15 будет?

Отец. И все 20. (к сыну Федору.) Убери поди мерина-то.

Мать. Ну что же, на нашу руку присудил?

Крестьянин. Черта с два присудил. Ничего толков нет. [15]

Кума. Да в чем, куманек, дело-то, я не разберу.

Крестьянин. А в том дело, что захватил Аверьян мой огород и владеет, а я концов не найду.

Жена. Уж 2-й год судимся.

Кума. Знаю, знаю. Как же, тогда постом-то в волости судились. Мой сказывал, тебе присудили.

Крестьянин. То-то и дело, а Аверьян земскому подал. А земский возьми да и поверни опять всё дело назад. Я к судье. Судья мне присудил. Надо бы конец, так нет, опять ему присудили. Тоже судьи!

Жена. Ну как же теперь быть?

Крестьянин. А так же, не дам я ему своего, на вышний суд подам. Я уж и аблаката подговорил.

Кума. А ну как и в вышнем суде на его руку потянут?

Крестьянин. Еще выше подам. Хоть последнюю корову просужу, а не поддамся толстопузому дьяволу. Будет меня знать!

Кума. Ох, горе, горе суды эти. А ну как и эти ему присудят?

Крестьянин. Царю подам. Пойти сена мерину дать. (Уходит.)

Парень 9 лет. А коли царь присудит, тогда кому подавать?

Жена. Да уж после царя некому.

Парень 9 лет. Отчего же они так судят, одни за Аверьяна, другие за тятку?

Мать. Должно оттого, что сами не знают.

Парень 9 лет. Так зачем их и спрашивать, коли они не знают?

Жена. А затем, что никому не хочется своего отдавать.

Парень 9 лет. А я, когда вырасту, так так буду делать: если поспорю с кем об чем, так кинем жребий, кому достанется. Кому выйдет – и конец. Мы так завсегда с Акулькой делаем.

Кума. А что же, кума, пожалуй что сходнее так-то, пра. Без греха.

Жена. Как есть. Что из-за этого истратили, и огород того не стоит. Ой, грехи, грехи!

СУД УГОЛОВНОГО

Ребята: Гришка 12 [лет], Семка 10 [лет], Тишка 13 [лет].

Тишка. А затем, что не залезай в чужой закром. Вот посадят в тюрьму, другой раз и побойтся.

Семка. Да хорошо, как за дело, а то дед Микита сказывал, Митрофана вовсе понапрасну посадили.

Тишка. Как же понапрасну. Что ж, ему. кто зря присудил, ничего не будет за это?

Гришка. Тоже по головке не поглядят. Если не по закону судить, тоже накажут.

Семка. А кто же накажет?

Тишка. А кто выше его.

Семка. А кто выше его?

Гришка. Начальство.

Семка.[16] А коли и начальство ошибется?

Гришка. На то и еще выше есть. И тех накажут. На то и царь есть.

Семка.[17] А если царь ошибется, тогда кто его накажет? Гришка. Кто накажет, кто накажет? Известно...

Тишка.[18] Бог накажет.

Семка.[19] Так ведь бог и того накажет, что корову украл.[20] Так пускай бы бог и наказывал один всех, кто виноваты. Бог уж не ошибется.

Гришка. Видно, нельзя так.

Семка.[21] Отчего?

Гришка. Оттого...

[СОБСТВЕННОСТЬ]

Старик плотник чинит перила балкона. Семилетний барчук смотрит, любуется на работу плотника.

Барчук. Как вы хорошо работаете. Вас как звать?

Плотник. Нас как звать? Звали Хролкой, а нынче уже Хролом, да еще Савичем величают.

Барчук. Как вы хорошо работаете, Хр[ол] Сав[ич].

Детская мудрость. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru

Плотник. Работать так уж хорошо. Зачем же плохо работать?

Барчук. А у вас есть балкон?

Плотник (смеется). У нас! У нас, паренек, такой балкон, что этот ваш никуда не годится. У нас балкон без окон. А войдешь, иди вон. Вот какой у нас балкон.

Барчук. Вы всё шутите. Нет, точно. Я спрашиваю. Есть у вас такой балкон? Я серьезно спрашиваю.

Плотник. Эх, паренек голубчик, балкон! Какой у нашего брата балкон! Нашему брату дай бог крышу над головой. А то балкон. С весны затеял строиться. Старую сломать – сломал, а новую всё не доведу. И теперь без крыши стоит, прееет.

Барчук (удивленно). Отчего же?

Плотник. Вот и отчего же. А оттого, что силы не хватает.

Барчук. Да как же силы не хватает. Ведь вот вы нам работаете.

Плотник. Вам-то работаю, а себе не могу.

Барчук. Отчего? Я не понимаю, растолкуйте мне.

Плотник. Вырастешь, молодчик, поймешь. На вас работаю, а на себя нельзя.

Барчук. Отчего?

Плотник. А оттого, что лесу надо, а его нет, купить надо. А купила-то и нет. Вот у вас поработаю, мамаша заплатит, ты ей скажи, чтобы побольше заплатила, я в рощу поеду, осин пяток на верх возьму, тогда и крышу доделаю.

Барчук. А у вас разве своего леса нет?

Плотник. У нас леса такие, что три дня иди, конца не найдешь. Одно горе – не наши.

Барчук. А вот мамаша говорит, что ее больше всего наш лес мучает, все неприятности у нее от леса.

Плотник. В том-то и беда. У мамыши неприятности оттого, что леса много, а у меня неприятность оттого, что нет его ничего. Ну, с вами разболтался, работу забыл, а нашего брата не хвалят за это. (Берется за работу.)

Барчук. Я, когда вырасту, сделаю так, чтобы у меня ровно со всеми, всего ровно со всеми было.

Плотник. Вырастай поскорее, а то я не дождусь. Только, мотри, не забывай. И куда это я рубанок дел?

ДЕТИ

Барыня с детьми, мальчик, гимназист, 14 лет, Таничка 5 лет. Ходят в саду. К ним подходит крестьянка-старуха.

Барыня. Ты что, Матрена?

Старуха. К вашей милости.

Барыня. Да об чем?

Старуха. Да что матушка-барыня, и говорить совестно, да что подделаешь. Опять родила кумушка-то ваша. Девчонку бог дал. Приказала просить, не приведете ли в православную веру?

Барыня. Да ведь она недавно родила?

Старуха. Как сказать? Летось постом год был.

Барыня. Сколько ж у тебя внуков теперь?

Старуха. И, матушка, и не перечтешь, отдала бы половину. И всё мал мала меньше. Беда.

Барыня. У дочери сколько?

Старуха. Седьмой, матушка-барыня, и все живы. Хоть бы прибрал бог которых.

Барыня. Что ты говоришь. Как можно так говорить.

Старуха. Да что станешь делать. И согресишь, окаянная. Да уж нужды много. Что ж, матушка, пожалейте нас, окрестите. А то, верите богу, барыня, не то что попу заплатить, а и хлеба вволю нет. Мелкота всё. Зять в людях. А мы с бабой одни. Я старая, а она то с брюхом, то с ребенком. Какая же от нее работа. Во все дела всё я одна. А арава эта то и знает, что есть просит.

Барыня. Неужели семеро?

Старуха. Однава дыхнуть, семеро. Старшенькая только-только стала подсоблять, а то всё мелкота.

Барыня. Да отчего же это уже так много?

Старуха. Что станешь делать, матушка-барыня. Придет на побывку али на праздник. Дело молодое. А живет в городе, близко. Хоть бы куда занесло его в даль.

Барыня. Да, кто плачется, что детей нет и что умирают, а вы плачетесь, что много слишком.

Старуха. Много, много. Не под силу. Что же, матушка- барыня, обнадежить ее?

Барыня. Хорошо. Тех крестила и этого буду. Мальчик?

Старуха. Малый, да и здоровенный, не судом кричит... Когда же прикажете?

Барыня. Когда хотите.

(Старуха благодарит и уходит.)

Таничка. Мама, отчего у одних дети есть, а у других нет? У тебя есть, у Матрены есть, а у Параши нет.

Барыня. Параша не замужем. Дети рожаются, когда женятся. Женятся, станут мужем с женой, тогда рожаются.

Таничка. Всегда рожаются?

Барыня. Нет, не всегда, вот у повара жена есть, а детей у них нет.

Таничка. А нельзя сделать так, чтоб кто хочет, чтобы у него были дети, чтоб они рожались, а кто не хочет, чтоб они не рожались.

Мальчик. Какие ты глупости спрашиваешь.

Таничка. Совсем не глупости. Я думала, что если Матрениной дочери не хочется детей, так сделать так, чтоб их не было. Мама, можно так сделать?

Мальчик. Вот я и говорю, что ты глупости болтаешь, чего не знаешь.

Таничка. Мама, можно так сделать?

Барыня. Как тебе сказать. Мы этого не знаем. Это от бога.

Таничка. Да от чего дети рожаются?

Мальчик. От козла. (Смеется.)

Детская мудрость. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
Таничка (обиженно). Ничего смешного нет. Я думаю, что если Матрена говорит, что им трудно от детей, то надо так сделать, чтоб они не рожались. Вот у няни нет и не было детей.

Барыня. Да ведь она девушка, не замужем.

Таничка. Так и всем, кто не любит детей, надо так. А то как же, дети родятся, а их кормить нечем.

(Барыня переглядывается с мальчиком и молчит.)

Когда вырасту большая, непременно женюсь и сделаю так, чтобы у меня была девочка и мальчик. А больше чтоб не было. А то разве хорошо, дети есть, а их не любят. Я своих зато как любить буду. Правда, мама? Я пойду к няне, у нее спрошу.
(Уходит.)

Барыня (сыну). Да, как это говорится: из уст младенцев... что то истина, истинная правда, что она говорит. Если бы люди понимали, что женитьба великое дело, а не забава, что жениться надо не для себя, а для детей, не было бы этих ужасов, подкинутых, брошенных детей, не было бы того, что у Матрениной дочери, что дети не радость, а горе.

ВОСПИТАНИЕ

Дворник чистит замки. Катя, 7 лет, строит домики из кирпичиков. Николай, гимназист, 15 лет, входит, швыряет книгу.

Николай. Черт их дери и с гимназией треклятой.

Дворник. А что?

Николай. Опять палку закатали. Опять история будет. Черт бы их подрал. Очень мне нужна география проклятая. Какие-то Калифорнии. На черта мне их знать.

Дворник. Да что ж они вам сделают?

Николай. Опять оставят.

Дворник. Да отчего же вы не учитесь?

Николай. Отчего? оттого, что не могу глупости учить. Эх, пропадай всё. (Кидается на стул.) Пойду скажу мамаше. Не могу, да и всё тут. Пускай делают, что хотят. А я не могу. А не возьмет меня из гимназии, уйду. Ей-богу, уйду.

Дворник. Куда ж уйдете-то?

Николай. Из дома уйду. Наймусь в кучера, в дворники, всё лучше этой чертовской глупости.

Дворник. Да ведь в дворниках тоже трудно. Рано вставать, дрова колоть, носить, топить.

Николай. Фю (свищет). Это праздник. Дрова колоть, любимое дело. Вот удивил. Да это самое любезное дело. Нет, ты попробовай географию учить.

Дворник. Это точно. Зачем же она вам? Принуждают?

Николай. А вот ты спроси – зачем, зачем? Не зачем. Так заведено. Они думают, что без этого нельзя.

Дворник. А затем, чтобы потом служить, чины получать, жалованье, как вот папаша, дядюшка.

Николай. А коли я не хочу.

Катя. А коли он не хочет?

(Входит мать с запиской в руке.)

Мать. А мне директор пишет, у тебя опять единица. Этак нельзя, Николинъка. Одно из двух: или учиться, или не учиться.

Николай. Разумеется, одно: не могу, не могу и не могу. Отпустите меня, ради бога. Не могу я учиться.

Мать. Как не могу?

Николай. Так не могу, не идет мне это в голову.

Мать. Не идет потому, что ты не о том думаешь. У тебя всё глупости в голове. Ты не думай о глупостях, а думай о том, что тебе задают.

Николай. Маменька, я серьезно говорю. Пустите меня. Мне ничего не нужно, только избавьте меня от этого ужасного учения, от этой каторги. Не могу.

Мать. Что ж ты будешь делать?

Николай. Это мое дело.

Мать. Нет, это не твое дело, а мое. Я дам богу ответ за вас, я должна воспитать вас.

Николай. Да если я не могу.

Мать (строго). Что за глупости: не могу. Я в последний раз говорю с тобой, как мать. Прошу тебя переменитьсь и исполнить то, что от тебя требуют. Если же ты не слушаешь меня теперь, я должна буду принять меры.

Николай. Я вам сказал, что не могу и не хочу.

Мать. Николай, берегись.

Николай. Нечего беречься. За что вы меня мучаете? Это вы не понимаете.

Мать. Не смей говорить так. Как ты смеешь говорить. Вон отсюда! Смотри!

Николай. И уйду. Ничего не боюсь. Ничего мне от вас не нужно. (Убегает, хлопая дверью.)

Мать (сама с собой). Ах, измучил он меня. Ведь я знаю, отчего всё это. А всё оттого, что он думает не о том, что должно, а об своих глупостях: об собаках, об курах.

Катя. Да как же, мама, помнишь, ты сама мне рассказывала, как нельзя не думать об белом медведе.

Мать. Не про то я говорю, а про то, что надо учиться, когда велют.

Катя. Да он говорит, что не может.

Мать. Он говорит пустяки.

Катя. Да ведь он не говорит, что не хочет ничего делать, он только учиться географии не хочет. А он хочет работать, хочет в кучера, в дворники.

Мать. Если бы он был дворников сын, он бы и был дворником, а [если он] сын твоего отца, то ему надо учиться.

Катя. А он [не] хочет учиться.

Мать. Мало ли чего он хочет или не хочет, надо слушаться.

Катя. А если не может?

Мать. Смотри и ты так же не делай.

Катя. А я именно так и хочу. Ни за что не стану учиться, чему не хочу.

Мать. И будешь дура.

Катя. А я, когда вырасту большая и у меня будут дети ни за что не стану их заставлять учиться. Хотят, пускай учатся а не хотят, и не надо.

Мать. Вырастешь, не будешь так делать.

Катя. Нет, непременно буду.

Мать. Не будешь, когда вырастешь.

Катя. Нет, буду, буду, буду.

Мать. Ну и будешь дура.

Катя. Няня говорит, что и дураки и дуры богу нужны.

ПЛАНЫ И ВАРИАНТЫ
ДЕТСКАЯ МУДРОСТЬ
* № 1 (рук. № 1).

- 1) О религии.
- 2) О войнах.
- 3) Об отечестве, государстве.
- 4) О податях.
- 5) О пьянстве.
- 6) О представительстве.
- 7) О вознаграждении за труд.
- 8) О тюрьмах.
- 9) О казнях.
- 10) О богачах.
- 11) О наследственности.
- 12) О печати.
- 13) Об искусстве.
- 14) О науке.
- 15) О суде гражданском.
- 16) О суде уголовном.
- 17) О воспитании.
- 18) О труде.
- 19) Об охоте.
- 20) О питании мясом.
- 21) О городах.
- 22) О церкви.
- 23) О мощах.
- 24) О таинствах.

25) Об уважении древности.

26) Об играх.

27) Об образовании.

28) О власти – насилии.

29) О земле.

30) О науке.

31) Об искусстве.

* № 2 (рук. № 1).

ПЕЧАТЬ

В доме Смирновых. Два гимназиста 5 класса: Юдин и Смирнов, и Соня 15 лет, и Ваня 8 лет.

Входит дворник Матвей с тяжелой ношей за спиной.

Матвей. Куда, барчуки, эту штуку сложить?

Юдин. Что это?

Смирнов. Это газета «Истина» за прошлый год. Папа взял в редакции. (Дворнику.) Да вот сюда сложи. (Дворник кладет в угол.)

Ваня. Вот сколько написано.

Дворник. Да, брат, писали, не гуляли. (Смеются.)

Юдин. И зачем только твой отец выписывает эту гадкую газету?

Смирнов. Как гадкую? Тут всё верно объясняется.

Юдин. Как же верно, когда утверждается, что так и должна быть, когда подати выколачиваются, и всякие незаконности.

Смирнов. Потому что никто не имеет права поступать самовольно. А если поступают, то должны быть наказаны. Этого нигде не будут терпеть.

Юдин. Неправда. Мы стоим за народ.

Смирнов. За народ. Жидовские газеты только это говорят.

Юдин. Нет, «Современное слово» не кривит душой.

Дворник. Это какая же – хорошая? Хорошая или нехорошая – не знаю, а тяжелая. Ну, скажите же папаше, что принес. (Уходит.)

Смирнов. Хорошо, спасибо. Отец взял за год из-за фельетонов Скрипицына.

Юдин. А дядя говорит, что это пустобрех. Он вчера читал маме, как его Никитин в «Современном слове» отделявает. Все смеялись.

Смирнов. А мы считаем, что Никитин дурак.

Юдин. Ну, это я бы не советовал тебе говорить.

Смирнов. Отчего? Я как думаю, так и буду говорить. Если есть законы, то надо им повиноваться.

Юдин. Зачем? Вот если бы ты читал Никитина, ты бы понял, когда можно и должно повиноваться, когда...

Соня. А я думаю, что об этом не надо рассуждать.

Смирнов. <У каждого свое мнение.> Du moins, des opinions saillit la vérité.[22]

Соня. Да как же одна газета говорит одно, другая совсем другое. Кто же прав?

Смирнов. Вот видно, что девочка, и рассуждаешь, как женщина. На то у каждого свой ум, ч[тобы] решать.

Ваня. А какая же газета [говорит] правду, а какая неправду?

Смирнов (смеется). В этом-то и дело, чтоб узнать, кто прав.

Ваня. А я думаю, что этого совсем не нужно.

Юдин. Чего?

[Ваня.] Да всех газет этих. Каждый сам рассудит.

Юдин. Ну, рассудил.

* № 3 (рук. № 1).

СУД

Маша 10, Гриша 12, Люся 6. (Мать шьет.)

Маша (прижимает к груди картину). Тетя сказала: это тебе, а это Грише.

Гриша. И неправда. Она не говорила: это тебе, а это Грише, а тетя сказала: тебе и Грише. Разумеется, всякому хочется самое лучшее себе. А ты и схватила самое лучшее.

Маша. Нет, она мне дала картину, а тебе книжку.

Гриша. Вот и врешь. Люсе она дала куклу, а нам вместе. Люся, ты слышала?

Люся. Нет, я не знаю. <Только вы лучше разделите.

Маша (смеется). Вот умно как! Что ж мы разорвем и картину и книжку?>

Гриша. Надо у мамы спросить.

Маша. И спроси. (Идут к матери.)

Гриша. Маша выдумала, что тетя подарила ей картину, а не вместе. Правда, что она сказала: вам вместе.

Маша. Нет, она сказала: это тебе. Ведь правда?

Мать. В чем у вас спор?

* № 4 (рук. № 4).

[ЛЮБИТЕ ОБИЖАЮЩИХ ВАС]

(Маша 10-ти лет и Ваня 8-ми).

Маша. Отчего же тебе скучно? Кататься ездил, вечером будет угощение.

Ваня. Как это ты не понимаешь. Веселье совсем не в этом.

Маша. А в чем же?

Ваня. Вот если бы ты меня побила, как третьего дня. Вот это было бы мне веселье.

Маша. Зачем ты, Ваня, поминаешь про это? Ведь ты простил меня. Я знаю, что я была виновата. Ты простил, ну что ж поминать.

Ваня. Ах, как ты не понимаешь. Я не хочу тебе поминать, а я только говорю, что

не весело.

Маша. Не понимаю.

Ваня. Чего ж тут понимать. Помнишь, как в прошлое воскресенье дядюшка П. И., как я его люблю...

Маша. Кто ж его не любит. Мама говорит, что он святой. Это и правда.

Ваня. Ты помнишь, прошлое воскресенье он рассказывал историю, как одного человека все обижали, а он тех-то и любил, которые его обижали. Они его ругают, а он их хвалит. Они его бьют, а он им помогает. Дядя говорил, что если так делать – самая большая веселость. И я вот третьего дня и стал так делать. И вот, когда ты меня побила, а я тебя стал целовать, и ты заплакала. И мне стало так весело. И с Колей и с няней так раз сделал, и всегда весело. А раз не удержался с Колей.

Маша. Так это от этого?

Ваня. Да. От этого и скучно теперь.

Маша. Некому прощать?

Ваня. Да.

Маша. Так тебе хотелось, чтобы тебя побил кто-нибудь?

Ваня. Даже очень бы хотелось.

Маша. Как ты был дурачок, так и остался.

Ваня. Пускай совсем дурак, а только теперь мне никто ничего не сделает.

Маша. Отчего никто ничего не сделает?

Ваня. Оттого, что мне всё хорошо.

Маша. Вот чудак.

Комментарии В. С. Спиридонова

ИСТОРИЯ ПИСАНИЯ И ПЕЧАТАНИЯ

Мысль написать диалоги, объединенные общим заглавием «Детская мудрость», явилась у Толстого в связи с чтением и затем работой над переводом диалога «Schwere Fragen», прочитанного им в венской газете «Wohlfahrt für Alle» (см. об этом прим. к диалогу «Разговор отца с сыном», стр. 451).

24 января 1909 г. Толстой записал в Дневнике: «Нынче, гуляя, думал о двух: детская мудрость и о воспитании» (т. 57, стр. 18). Вероятно, вскоре Толстой составил список тем диалогов, которые он хотел разработать для «Детской мудрости». В первоначальном списке значилась тридцать одна тема (см. варианты, стр. 385). 14 февраля Толстой в Дневнике среди перечня замыслов отметил: «Детская мудрость. Осуждение» (т. 57, стр. 32). В первом списке эта тема отсутствует; она была внесена в копии списка вместо вычеркнутой темы «О наследственности» (см. описание рук. №№ 2 и 3). Однако из намеченных в списках тем Толстой разработал вчерне только двадцать одну тему, другие остались совсем неразработанными.

Непосредственно к работе над диалогами Толстой приступил 19 февраля 1909 г. Под этим числом он записал в Дневнике: «Начал «Детскую мудрость» (т. 57, стр. 28).

Работа протекала более или менее интенсивно до начала мая 1909 г., и большинство диалогов, повидимому, было написано за это время. Затем следовал перерыв до середины октября того года. По крайней мере о работе над «Детской мудростью» в этот период нет упоминаний ни в Дневнике, ни в письмах Толстого.

Возобновление работы в октябре было вызвано просьбой редакции «юбилейного сборника» Литературного фонда, переданной через В. Г. Черткова, дать какое-либо произведение в сборник, посвященный пятидесятилетию Литературного фонда.

Толстой работал над диалогами, с перерывами, приблизительно в течение месяца и вновь прервал работу.

В сборник Литературного фонда вместо «Детской мудрости» были посланы два очерка: «Песни на деревне» и «Разговор с прохожим» и статья «Единая заповедь».

Между тем Толстой и позднее не оставлял мысли закончить «Детскую мудрость». В его Дневнике за июнь 1910 г. есть упоминание о работе над нею.

Таким образом, работа над «Детской мудростью» в общем продолжалась, с большими перерывами, почти полтора года. Закончена она не была.

Точно датировать написание каждого диалога в отдельности, за исключением некоторых, не представляется возможным. Записи в Дневнике Толстого и в его Записных книжках дают лишь общую картину работы и иногда лишь дополняют его замыслы (см. т. 57, стр. 29–31, 33, 37, 38, 43, 45, 48, 52, 56, 153, 168, 172, 206, 207, и т. 58, стр. 61 и 67).

Согласно записям в Дневнике и другим данным можно датировать следующие диалоги «Детской мудрости»: 20 апреля 1909 г. – «О вознаграждении за труд» («О труде»); 3 мая – «О собственности»; 17 ноября – «Любите обижающих вас» (диалог этот в черновом виде записан в Записной книжке под 17 ноября, см. т. 57, стр. 250–251); 5 июня 1910 г. – «Раскаяние» («Как нечаянно пирожное съел») [23].

Впервые «Детская мудрость» была напечатана с ошибками в «Посмертных художественных произведениях» Л. Н. Толстого, т. II, М. 1911 и Берлин 1911.

В настоящем издании текст «Детской мудрости» печатается по рукописям (№№ 1 и 4).

ОПИСАНИЕ РУКОПИСЕЙ

1. Автограф. 1 л. почтовой бумаги большого формата, 24 лл. почтовой бумаги среднего формата, 1 л. почтовой бумаги малого формата, 3 лл. графленой писчей бумаги, согнутые пополам, 4 лл. 4°, из которых один л. согнут пополам, и 4 лл. 8°, вырванные из блокнота. Кроме листов из блокнота, 4-х листов почтовой бумаги и одного листа в 4°, занятых текстом только с лицевой стороны, все остальные листы рукописи исписаны с обеих сторон. 17 диалогов были пронумерованы Толстым, но затем первоначальный порядок их был несколько нарушен. Начало: «1) О религии 2) О войнах». Конец: «и дураки и дуры богу нужны». В верхней половине 1-го листа, перед диалогом «Религия», Толстой набросал 31 тему диалогов. Этот список тем полностью печатается в настоящем томе (стр. 385). Из всех написанных диалогов в рукописи-автографе озаглавлены только 10 диалогов. Рукопись неполная: в ней не хватает диалога «Любите обижающих вас». Имеется машинописная копия этого диалога, с исправлениями Толстого. Многие диалоги неоднократно переделывались Толстым. Наиболее крупным переделкам подверглись диалоги «О смертных казнях» и «Воспитание».

Диалог «О податях» Толстой начал так:

Отец и Ванька 7 лет.

Отец. Что тебе?

Ванька. К няне племянница пришла просить денег <на подати>. А у няни нет. Дай ей, пожалуйста.

Отец. Что такое? Какие деньги? Зачем ей деньги?

Ванька. Она говорит, что на подати, что если она не отдаст деньги, то у нее корову отнимут, и у детей молока не будет. Плачет. Ее жалко.

Отец. Это очень хорошо, что ты жалеешь, но надо знать, когда можно и когда нельзя жалеть.

Это начало Толстой зачеркнул.

На листе 16 Толстой начал такой диалог:

Машутка и Мишутка. Старик прохожий (плачет).

Машутка. Ты чего, дедушка?

Старик. А то, что понапрасну обидел. Я только зашел милостыньки попросить. А он в шею. Много, мол, вас дармоедов тут шляется. Ну да бог с ним.

Зачеркнув это начало, Толстой на том же листе начал диалог «О вознаграждении» («О труде»).

Диалоги «Печать» и «Суд» имеются в рукописи в 2-х редакциях. В рукописи имеется также начало диалога о Государственной думе:

Андрюша 9 лет. Мой папа вчера так хорошо говорил в Думе, что все ему хлопали, и газеты все напечатали, что он говорил.

Соня. А я и не знаю, что такое Дума. Мой папа в банке. Что такое Дума? Что они там делают?

В конце диалога «Богатство» Толстой начал диалог о праве наследства, но написал только заглавие и сделал список действующих лиц и зачеркнул то и другое. Вслед за тем Толстой начал какой-то другой диалог, но и его оборвал на пятой строке. Написанное начало читается так:

Авд. Кабы это добро да в руки... А то что? Мотает несудом. первый двор был, а дай срок еще годок, и гол как сокол останется.

Матрена.

Извлекаются варианты №№ 1, 2, 3.

2. Копия списка тем диалогов, написанная от руки неизвестным лицом. 2 лл. почтовой бумаги большого формата. Тема «О наследственности» неизвестной рукой карандашом заменена темой «Об осуждении». Темы «О науке» и «Об искусстве», стоящие в оригинале под цифрами 30 и 31, в копии опущены. На их месте переписчик карандашом пометил: «Наука и искусство уже было». Тему «О представительстве» Толстой заменил в копии темой «О доброте». Вместо опущенных тем о науке и искусстве он написал под цифрами 30 и 31 новые темы: «О безработных» и «О боге». В конце списка он прибавил 32-ю тему: «Об осуждении». Начало: «Детская мудрость.

1. О религии». Конец: «32. Об осуждении».

3. Машинописная копия списка тем диалогов. 2 лл. почтовой бумаги большого формата. Толстой начал было изменять порядок тем, но не довел этого изменения до конца. Тему «О наследственности» он заменил темой «Об осуждении» и внес в список две темы: «О целомудрии» и «О земле – с англ.». Последняя тема уже имелась в списке. Тема «О науке», стоящая под цифрой 30, зачеркнута. Тема «Об искусстве» под цифрой 31 полустерта. Начало: «Детская мудрость. 1. О религии»: Конец: «31. Об искусстве».

4. Машинописная копия диалогов. 16 лл. почтовой бумаги большого формата и 30 лл. 4° (один лист чистый). Все листы пронумерованы карандашом неизвестной рукой цифрами 3–48. Под цифрами 1 и 2 значится машинописная копия списка тем диалогов (рук. № 3). Копия неполная; в ней не хватает диалогов: «О религии», «Об отечестве, государстве», «О податях», «Раскаяние» и «Воспитание». Диалоги, которые не имели заглавий, были озаглавлены Толстым. Диалог «Любите обижающих вас» Толстой переработал радикально от начала до конца. Получилась новая, вторая, редакция диалога. Большинство диалогов без поправок Толстого. Описки Толстого и ошибки машинистки исправлены неизвестной рукой. Той же рукой на 4-х диалогах, в левом верхнем углу, помечено: «Проверено». Копии всех диалогов, не исключая и «проверенных», имеют целый ряд ошибок. Начало: «О войнах». Карлхен

Детская мудрость. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
Шмидт». Конец: «что дети не радость, а горе».

Извлекается вариант № 4.

ПРЕДИСЛОВИЕ К ТРИДЦАТЬ СЕДЬМОМУ ТОМУ

В 37-м томе Полного собрания сочинений Л. Н. Толстого продолжается публикация его произведений, написанных в последние годы жизни. Здесь помещены относящиеся к 1906–1910 гг. художественные произведения, статьи, очерки.

Для правильной оценки включенных в этот том произведений следует учитывать систему взглядов Толстого в целом, в их совокупности, во всей сложности переплетения сильных и слабых сторон. Эти взгляды выражены не только в произведениях Толстого, но также в его дневниках и письмах, в которых читателю раскрывается потрясающая картина мучительных переживаний, вызванных у писателя все более и более ухудшавшимся положением народа, политической реакцией в стране, поисками пути изменения действительности и полным непониманием единственно возможного пути – революционной борьбы.

Годы, к которым относятся публикуемые в 37-м томе произведения, это годы безудержного террора, которым царское правительство стремилось задушить революционную борьбу. Истекающая кровью страна была покрыта виселицами, тюрьмы были переполнены, всякие проявления революционного протеста жестоко карались. Либеральная буржуазия, с ликованием встретившая поражение революции 1905–1907 гг., всемерно помогала самодержавию обманывать народ. Обнищание масс дошло до предела. Но гнев народа не мог быть подавлен никакими репрессиями и нарастал с каждым днем. Настроения пассивизма, непротивления, выражавшие слабые стороны взглядов крестьянства и нашедшие отражение и во взглядах Толстого, стали постепенно изживаться в массах под могучим влиянием пролетарской революционной борьбы и уроков первой русской революции.

Вся эта совокупность условий русской жизни нашла отражение и в эволюции Толстого, писателя, который переживал народные бедствия с такой силой, что страдания крестьянства стали его собственными страданиями. [24]

В последний период жизни Толстой, при всех кричащих противоречиях своих взглядов, при всей интенсивности пропагандирования реакционной теории непротивления злу, не только не перестал быть обличителем существовавшей политической системы, но сам все отчетливее осознавал свой гражданский долг писателя, срывающего с правящей верхушки и эксплуататорских классов все и всяческие маски.

Великая роль Толстого–обличителя с особенной силой стала очевидной в 1908 г., когда все передовое человечество отметило восьмидесятилетие со дня его рождения. Всемирно-историческое значение Толстого тогда получило оценку от имени революционной России в статье Ленина «Лев Толстой, как зеркало русской революции». Ленин охарактеризовал взгляды гениального художника как отражение силы и слабости крестьянской революционности в эпоху 1861–1904 гг. Он с гордостью писал о Толстом как страстном обличителе существовавшей системы, беспощадном критике эксплуатации и рабства, враге самодержавия, выразителе настроений широчайших масс крестьянства. И в то же время Ленин учил отделять в творчестве Толстого то, что принадлежит будущему, от того, что ушло в прошлое. Великий вождь пролетариата указал на опасность, которую представляло для судеб русской революции «толстовское непротивление злу, бывшее серьезнейшей причиной поражения первой революционной кампании». [25]

Трудовой народ в приветствиях, посланных Толстому в связи с юбилеем, выразил свою горячую любовь и благодарность за его самоотверженную деятельность обличителя и критика. Так, в послании рабочих Балтийского судостроительного завода говорилось:

«Из душных мастерских завода мы, люди тяжелого труда и тяжелой доли, сыновья одной с Вами несчастной родной матери, шлем Вам привет, чтя в лице Вашем национального гения, великого художника, славного и неутомимого искателя истины. Мы, русские рабочие, гордимся Вами как национальным сокровищем, и лишь хотели бы, чтобы и могучему созидателю новой России – рабочему классу – природа дала своего Льва Толстого».

И в то же время своей обличительной деятельностью Толстой вызывал острую

Детская мудрость. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru ненависть царского правительства, правящих классов, церкви. Реакционная пресса все более усиливала погромную травлю писателя, либералы в своих лживо-лицемерных писаниях грубо извращали сущность его творчества. Царское правительство всеми силами пыталось (как откровенно признала официозная газета «Россия») пресечь «стремления придать почитанию гр. Толстого характер общественного сочувствия его деятельности, направленной против православной веры, против государства и государственных установлений». [26] Разгул черносотенной травли дошел до таких пределов, что Иоанн Кронштадтский сочинил «молитву» о скорейшей смерти Толстого, а епископ Гермоген опубликовал «архипастырское обращение», содержащее отъявленные ругательства по адресу писателя.

Однако никакая травля не могла остановить обличительную деятельность Толстого. До конца своих дней он остался верен своему убеждению в том, что необходимо неустанно «обличать богатых в их неправде и открывать бедным обман, в котором их держат». [27] Еще в 1890-х гг., в связи с преследованиями за статью «О голоде», он писал: «Я пишу, что думаю, и то, что не может нравиться ни правительству, ни богатым классам... и пишу не нечаянно, а сознательно...» [28] О том, что он не прекратит обличений существующих порядков, несмотря ни на какие репрессии, Толстой открыто заявил правительству в статье «По поводу заключения В. А. Молочникова» (1908).

Но, как отметил Ленин, «противоречия в произведениях, взглядах, учениях, в школе Толстого – действительно кричащие». [29] Замечательно сильный, искренний протест, гениальные обличения социальной несправедливости и лжи сочетались в деятельности писателя с проповедью нравственного самоусовершенствования, всепрощения, с надеждами на возможность отказа власти имущих от зла, их перевоспитания и т. д. Толстой – «горячий протестант, страстный обличитель, великий критик обнаружил вместе с тем в своих произведениях такое непонимание причин кризиса и средств выхода из кризиса, надвигавшегося на Россию, которое свойственно только патриархальному, наивному крестьянину, а не европейски-образованному писателю». [30]

Противоречивость взглядов Толстого со всей отчетливостью выразилась и в одном из самых лучших его публицистических произведений – статье «Не могу молчать» (1908).

Эта статья, вызванная все возрастающим столыпинским террором, имела огромный резонанс. Мировое общественное мнение высоко оценило протест великого писателя против массовых казней революционеров и восставших крестьян. Несмотря на то, что «Не могу молчать» было напечатано за границей и могло появиться в России легально только в отрывках, этот, как тогда говорили, «манифест Толстого» получил большую известность.

Как следует из Дневника Толстого, непосредственным поводом к написанию статьи явились газетные сообщения о казни через повешение в Херсоне крестьян «за разбойное нападение на усадьбу землевладельца» [31]. Однако содержание статьи оказалось значительно шире даже весьма острой и важной самой по себе темы о самодержавно-полицейском терроре: это было суровое обвинение всему существовавшему строю. Толстой подчеркнул, что террор был выражением непримиримой вражды царского правительства к представителям «лучшего сословия народа». Говоря о двенадцати казненных крестьянах, писатель продолжал: «...делается это, не переставая годами, над сотнями и тысячами таких же обманутых людей, обманутых теми самыми людьми, которые делают над ними эти страшные дела». Толстой говорит, что двенадцать казненных – это люди, «на доброту, трудолюбию, простоте которых только и держится русская жизнь» и что задушены они «теми самыми людьми, которых они кормят, и одевают, и обстраивают...»

Обличение правящих классов, «высшего сословия», глубоко враждебного народу, составляет пафос всей статьи. С ненавистью говорит Толстой о царском правительстве, которое ввело в систему казни «для достижения своих целей», о том, что «представители христианской власти, руководители, наставники, одобряемые и поощряемые церковными служителями», совершают «величайшие преступления, ложь, предательство, всякого рода мучительство...» Толстой гневно опроверг обычные утверждения царских чиновников и попов о том, что смертные казни – это единственное средство успокоения народа. Обличая правительство, он писал: «Все те гады, которые вы делаете, вы делаете для себя, для своих корыстных, честолюбивых, тщеславных, мстительных личных целей, для того, чтобы самим пожить еще немножко в том развращении, в котором вы живете...»

Как и в других своих статьях, Толстой указывал, что освобождение земельной собственности, передача ее народу является важнейшей задачей, без выполнения которой никакие «усмирения» и «успокоения» невозможны. В ужасах, происходивших в России, Толстой винил весь правительственный аппарат «от секретарей суда до главного министра и царя», – участников «ежедневно совершаемых злодеяний».

Но этот беспощадно-резкий и смелый протест, отражавший настроения народа, совмещался в статье «Не могу молчать» с увещаниями, основанными на религиозно-нравственном учении, увещаниями, обращенными к тем людям, которые покрыли Россию виселицами. «Да, подумайте все вы, от высших до низших участников убийств, подумайте о том, кто вы, и перестаньте делать то, что делаете, – писал Толстой в заключении статьи. – Перестаньте – не для себя, не для своей личности, и не для людей, не для того, чтобы люди перестали осуждать вас, но для своей души, для того бога, который, как вы ни заглушаете его, живет в вас». Однако этому предшествовала критика революционеров с позиций непротivления, то есть критика той единственной силы, которая только и могла смести до основания ненавистный Толстому строй угнетения и рабства.

Определяющей и самой сильной стороной статьи является позиция Толстого-обличителя. В том, что он выступал своей статьей прежде всего в этой роли, свидетельствуют и его собственные признания. «Знаю я, – пишет Толстой, – что все люди – люди, что все мы слабы, что все мы заблуждаемся и что нельзя одному человеку судить другого. Я долго боролся с тем чувством, которое возбуждали и возбуждают во мне виновники этих страшных преступлений, и тем больше, чем выше по общественной лестнице стоят эти люди». И далее следуют знаменательные слова: «Но я не могу и не хочу больше бороться с этим чувством». Толстой признает, что не выступать с обличением людей, совершающих преступления, – все равно что быть участником преступлений, быть в кругу тех людей, которыми порождена «нищета народа, лишенного первого, самого естественного права человеческого, – пользования той землей, на которой он родился». С ненавистью ко всем виновникам народных бедствий, с страстью негодования Толстой восклицал:

«нельзя так жить. Я по крайней мере не могу так жить, не могу и не буду».

И далее он заявлял о своем намерении обличать и бороться против зла, утверждая: «...буду всеми силами распространять то, что пишу, и в России и вне ее...»

Обличительная сила статьи «Не могу молчать» была так велика, что перекрывала места, выразившие слабые, реакционные стороны толстовского учения. Это было очевидно и для сторонников реакции. Статья смогла быть отпечатана в России только нелегально. В Севастополе издатель газеты, напечатавший ее, был арестован, другие газеты штрафовались даже за помещение отдельных отрывков. Апологеты самодержавия реагировали на статью с бешеной злобой, – это выражалось и в письмах, которые приходили в Ясную Поляну. До какого озверения доходили те, против которых было направлено обличение Толстого, свидетельствует следующий факт. В день восьмидесятилетия на его имя пришла посылка с веревкой и письмом такого содержания: «Граф. Ответ на ваше письмо. [32] Не утруждайте правительство, можете сделать это сами, не трудно. Этим доставите благо нашей родине и нашей молодежи».

Характерно, что официозная «Россия» в статье, посвященной «Не могу молчать», утверждала, что Толстой «по всей справедливости» должен бы быть заключенным «в русскую тюрьму», если бы этому не мешала его известность как художника. [33]

Марксистская истина, согласно которой ложные взгляды не могут быть выражены в действительно высокой художественной форме, находит свое подтверждение и в некоторых включенных в 37-й том произведениях. Всюду, где Толстой пишет о реальных процессах, происходивших в самой действительности, всюду, где он изображает реальные поступки людей в типических обстоятельствах, виден величайший художник, автор таких шедевров мировой литературы, как «Война и мир», «Анна Каренина», «Воскресение». И вместе с тем те страницы произведений, которые заняты морализированием и подчинены пропаганде реакционных идей непротivления и самоусовершенствования, носят чисто иллюстративный характер к заранее заданной теме, лишены живописной образности, яркости описаний. Это относится и к таким произведениям, как «Разговор с прохожим», и к статьям. Достаточно сравнить с этой точки зрения темпераментно-страстные, обличительные страницы «Не могу молчать» и стилистически однообразную, не содержащую ни одного яркого образа

Детская мудрость. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru статью «Любите друг друга» с ее ложной идеей о том, что «подчиненным и бедным» даже легче «исполнить учение любви», смириться, чем «властвующим, богатым». В произведении «Кто убийцы? Павел Кудряш» самые впечатляющие и горячие строки посвящены описанию того, как зарождалось и развивалось у Павла стремление бороться с окружающей несправедливостью.

В. И. Ленин, так высоко оценивший всемирно-историческое значение Толстого еще при жизни писателя, вместе с тем со всей резкостью писал о вреде толстовской проповеди «одной из самых гнусных вещей, какие только есть на свете, именно религии...», о его стремлении «поставить на место попов по казенной должности, попов по нравственному убеждению», о культивировании «самой утонченной и потому особенно омерзительной поповщины». [34] Отсюда очевиден и реакционный смысл религиозных произведений Толстого. В одном из своих писем к Горькому Ленин разъяснил, почему «всякая религиозная идея, всякая идея о всяком боженьке, всякое кокетничанье даже с боженькой...» – особенно опасно. «Миллион грехов, пакостей, насилий и зараз физических гораздо легче раскрываются толпой и потому гораздо менее опасны, чем тонкая, духовная, приодетая в самые нарядные «идейные» костюмы идея боженьки». [35] В какие бы наряды ни рядилась идея бога, она всегда направлена против научного понимания жизни и ее закономерностей, разоружая человека в его борьбе за изменение действительности, за осуществление в сознательной практической деятельности великих социальных задач.

К чести Толстого, его религиозно-нравственное учение нередко вызывало у него самого мучительные сомнения.

Изучение произведений, писем, Дневников Толстого последних лет его жизни говорит о том, что после революции 1905–1907 гг. он, хотя и сохраняя систему своих взглядов, все же не мог не отразить в какой-то степени сдвиги, произошедшие в крестьянстве. Сомнения и колебания Толстого в истинности своего религиозно-нравственного учения нельзя рассматривать только как противоречия его личной мысли, – такая постановка вопроса противоречит ленинскому подходу к литературе.

К концу жизни Толстой, впадая в еще более разительные противоречия, вместе с тем стал высказывать сомнения в правильности своих рассуждений о «всеобщей любви» и «непротивлении» как способе устранения социального зла. Об этом свидетельствуют многие его признания, сделанные для себя и лишь сравнительно недавно ставшие достоянием читателей. Так, например, в 1909 г., когда Толстой так активно пропагандировал идею «всеобщей любви», он записал в своем Дневнике: «Главное, в чем я ошибся, то, что любовь делает свое дело и теперь в России с казнями, виселицами и пр.». [36] Вопреки своему принципу отрицания революционного насилия, он вынужден был признаться самому себе: «Мучительное чувство... унижения, забитости народа. Простительна жестокость и безумие революционеров». [37] А по поводу своей религии он однажды записал: «Страшно сказать, но что же делать, если это так, а именно, что со всем желанием жить только для души, для бога, перед многими и многими вопросами остаешься в сомнениях, нерешительности». [38]

Все эти трагические раздумья Толстого были вместе с тем отражением тех благотворных сдвигов, которые происходили в сознании русского крестьянства после революции 1905–1907 гг. Еще в середине 1904 г. Толстой заметил, что время, когда народ «хотел обожать и покоряться», уже прошло: «Теперь же народ уже не обожает и не только не хочет покоряться, но хочет свободы». [39] В предисловии к альбому картин Н. Орлова «Русские мужики» Толстой, хотя «...с характерным для худших сторон «толстовщины» сожалением...» [40], но констатировал, что русский народ с удивительной скоростью научился делать революцию. И в самом деле, русский народ, накапливая революционную энергию, учась на опыте 1905 г., шел навстречу великому перевороту, обозначившему новую эпоху всемирной истории. В ходе подготовки к этому перевороту революционная Россия взяла на вооружение наследие Толстого-реалиста и обличителя и, во имя торжества великих идей свободы и справедливости, безоговорочно отвергла и осудила «толстовщину», ушедшую в прошлое.

Б. Мейлах

РЕДАКЦИОННЫЕ ПОЯСНЕНИЯ К ТРИДЦАТЬ СЕДЬМОМУ ТОМУ
Тексты, публикуемые в настоящем томе, печатаются по общепринятой орфографии.

При воспроизведении текстов, не печатавшихся при жизни Толстого (произведения,

Детская мудрость. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
окончательно не отделанные, неоконченные, только начатые и черновые тексты),
соблюдаются следующие правила.

Текст воспроизводится с соблюдением особенностей правописания, которое не унифицируется.

Слова, случайно не написанные, если отсутствие их затрудняет понимание текста, печатаются в прямых скобках.

В местоимении «что» над «о» ставится знак ударения в тех случаях, когда без этого было бы затруднено понимание текста.

Условные сокращения типа «к-ый», вместо «который», и слова, написанные неполностью, воспроизводятся полностью, причем дополняемые буквы ставятся в прямых скобках лишь в тех случаях, когда редактор сомневается в прочтении.

Описки (пропуски букв, перестановки букв, замены одной буквы другой) не воспроизводятся и не оговариваются в сносках, кроме тех случаев, когда редактор сомневается, является ли данное написание опиской.

Слова, написанные ошибочно дважды, воспроизводятся один раз, но это всякий раз оговаривается в сноске.

После слов, в прочтении которых редактор сомневается, ставится знак вопроса в прямых скобках.

На месте неразобранных слов ставится: [1, 2, 3 и т. д. неразобр.], где цифры обозначают количество неразобранных слов.

Из зачеркнутого в рукописи воспроизводится (в сноске) лишь то, что имеет существенное значение.

Более или менее значительные по размерам зачеркнутые места (в отдельных случаях и слова) воспроизводятся в тексте в ломаных < > скобках.

Авторские скобки обозначены круглыми скобками.

Примечания и переводы иностранных слов и выражений, принадлежащие Толстому, печатаются в сносках (петитом) без скобок. Редакторские переводы иностранных слов и выражений печатаются в прямых скобках.

Обозначение * как при названиях произведений, так и при номерах вариантов означает, что текст печатается впервые; ** – что текст напечатан был впервые после смерти Толстого.

Иллюстрации

фототипия с портрета Л. Н. Толстого 1908 г. между стр. IV и V.

Примечания

1

Первоначально было:

Маша. Что значит принадлежат? Кому я принадлежу? Никому. Папе, маме? И то не принадлежу.

2

В подлиннике: Петр Сем.

3

На полях против текста этого диалога имеется помета Толстого: Плохо совсем.

4

В подлиннике: на Федьку.

5

В подлиннике: Мак.

6

В подлиннике: Пав.

7

В подлиннике: Мак.

8

В Берлинском издании вставлено: два рубля.

9

В Берлинском издании вставлено: восемь сорок.

10

В Берлинском издании вставлено: семьсот

11

Поумней написано поверх зачеркнутого: Не глупей

12

[Есть у тебя мелочь? у меня только бумажки.]

13

Зачеркнуто: Так он же не виноват, если не может работать такую работу.

14

Слово: экономка написано поверх зачеркнутого: и двое детей: гимназист 14 лет
Петя и старшая сестра Нина.

15

Зачеркнуто: Такой же остолоп, как и наши мужики. Тоже судья.

16

В подлиннике: Тишка

17

В подлиннике: Тишка

18

В подлиннике: Семка

19

В подлиннике: Тишка

20

В копии этого диалога, не исправленной Толстым: кто в закроем залез.

21

В подлиннике: Тишка

22

[По крайней мере из обмена мнений раскрывается истина.]

23

Запись 20 июня 1910 г. говорит уже о рассказе «Нечаянно», написанном на ту же тему, что и диалог «Раскаяние». См. об этом т. 38, стр. 555–556.

24

Более подробную характеристику взглядов Л. Н. Толстого в последние годы его жизни см. в предисловии к тому 77 настоящего издания.

25

В. И. Ленин. Сочинения, т. 15, стр. 185.

26

«Россия», 30 июля 1908 г., № 823.

27

Т. 54, стр. 52.

28

Т. 84, стр. 128.

29

В. И. Ленин. Сочинения, т. 15, стр. 180.

30

В. И. Ленин. Сочинения, т. 16, стр. 295.

31

См. запись в Дневнике 12 мая 1908 г.

32

«Письмом» названо «Не могу молчать», где Толстой, в порыве негодования и скорби, писал о том, что он хотел бы заключения в тюрьму и готов разделить участь повешенных крестьян.

33

«Точка над і». «Россия», 30 июля 1908 г., № 823.

34

В. И. Ленин. Сочинения, т. 15, стр. 180.

35

В. И. Ленин. Сочинения, т. 35, стр. 90.

36

Т. 57, стр. 200.

37

Т. 57, стр. 82.

детская мудрость. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru

38

Т. 58, стр. 65.

39

Т. 55, стр. 62.

40 Слова Ленина об этом предисловии (см. В. И. Ленин. Сочинения, т. 17, стр. 251).

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://tolstoyleo.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!